

НАРОДЫ СССР

Русское народнопоэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XX, М., 1953.

За последние три года советская фольклористика обогатилась значительными исследованиями обобщающего характера. Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) выпустил третий и первый томы «Очерков русского народнопоэтического творчества»¹. Второй том готовится к опубликованию. После учебника Ю. М. Соколова, вышедшего еще в 1938 г., издание Пушкинского дома является новой попыткой проследить и осмыслить с более глубоких позиций марксистско-ленинской методологии на основе последних достижений науки весь процесс исторического развития русского народного поэтического творчества.

Одновременно с первым томом ленинградского издания в Москве вышел сборник статей по народному поэтическому творчеству, выполненный Институтом этнографии Академии наук СССР. Эта книга не является монографическим исследованием всей народной поэзии в целом. Подзаголовок сборника определяет его как «Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа». Однако этот подзаголовок скорее говорит об особой скромности авторского коллектива и не может снизить всего труда до значения простых публикаций и сообщений. Сборник объединяет ряд обширных законченных научных исследований, в большинстве являющихся итогом длительного изучения. Мало того, в книге представлены работы по многим важнейшим вопросам фольклористики, все статьи решают основную проблему в содержании народного творчества — отражение в нем сознания народа на разных этапах исторического развития. Все это поднимает значение сборника до труда обобщающего характера. Сборник ставит своей задачей рассмотреть под социально-политическим углом зрения наиболее значительные жанры и произведения народной поэзии, а это значит — найти ключ для понимания всех сторон содержания и формы. Таким образом, замысел книги требует разносторонних и обширных разысканий.

Как и «Очерки» Пушкинского дома, издание Института этнографии, отвечая важнейшим задачам современной фольклористики, строит все исследования на основе глубокого историзма. В редакционном вступлении подчеркивается, что народное творчество дает возможность не только «проникнуть в психологию и сознание различных групп трудящихся, понять их чаяния и стремления», но и «определить, в каком направлении развиваются и изменяются их воззрения» (стр. 4). В хронологическом порядке анализируемых проблем расположены и статьи, охватывающие время, начиная с XVII в. до начала Советской эпохи.

Ценность работ обобщающего порядка особенно возрастает, если учесть многочисленные ошибки и пороки, господствовавшие до последнего времени в нашей науке.

Редакция сборника Института этнографии оговаривается, что книга «не претендует на характеристику мировоззрения русского народа во всей его полноте. В него не вошли статьи, характеризующие мораль народа, воззрения его на природу и др. Включенные в сборник статьи ставят своей задачей раскрыть в результате анализа отдельных видов народного творчества основные черты общественного сознания русских крестьян и рабочих в разные исторические периоды и показать формирование нового, социалистического сознания после Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 15).

Вопросы, решаемые коллективом московских фольклористов, исключительно актуальны, проблематика, поднятая ими, давно назрела. В книге заново пересматривается фольклор о крестьянских войнах XVII и XVIII вв., анализируются причитания знаменитой вопленицы Ирины Федосовой, характеризуется дореформенный фольклор рабочих Урала, изучаются волшебные сказки, рабочие песни периода массового рабочего движения. Завершается сборник обзором народного творчества двадцатых годов нашего века. Большинство статей отличается новизной точек зрения, методологической обоснованностью и свежестью привлекаемого основного и дополнительного материала.

Редакционное введение дает установку на выявление самых сильных сторон идеологии трудящихся, отраженных в народной поэзии, но указывает и на слабые стороны народного сознания в прошлом.

Ценность сборника и в его замысле, и в его выполнении бесспорна. И все же отдельные стороны общетеоретических позиций коллектива не могут не вызвать больших сомнений.

В сборнике не делается различий между народнопоэтическими материалами коллективными, массовыми, и произведениями, известными в единичных текстах, в которых в значительной мере отразилось индивидуальное авторское сознание. Таковы причитания Федосовой. Правильно ли в равной мере в этих различных группах произведений усматривать отражение народного сознания? Не требует ли этот вопрос значительных уточнений и теоретических обоснований?

¹ «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи». Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М.—Л., 1952; «Очерки русского народнопоэтического творчества X—начала XVIII веков», Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М.—Л., 1953.

Вызывает серьезные упреки забвение авторами в отдельных случаях специфики природы фольклора. В народно-поэтических произведениях, созданных в далеком прошлом и сохранившихся в поздние эпохи, вопрос о том, какого времени сознание народа отражается в их содержании, представляет значительную сложность. Авторы не предлагают никаких обоснований для его решения. Практически же решают его каждый по-своему, никак этого не мотивируя. В статьях о причитаниях Федосовой, о революционных песнях 1890—1905 годов решение вопроса о том, мировоззрение какой исторической эпохи в них отражено, не представляет трудностей. И те и другие произведения сохранились в подлинных текстах той поры, когда они были созданы. Иначе обстоит дело с песнями о Степане Разине, с волшебными сказками, с творчеством рабочих Урала дореформенной эпохи. В песнях о Степане Разине, известных по записям XIX и XX вв. и нашего времени, В. К. Соколова усматривает мировоззрение русского крестьянства конца XVII в. Правильно ли это? Можно ли в записях советского времени усматривать отражение народного сознания XVII в.? Можно ли предполагать, что социалистическая действительность не наложила никакого отпечатка на тексты этих произведений? Можно ли предполагать, что образ борца за народное освобождение не претерпевал никаких изменений за время с XVII в. до наших дней? В некоторых сюжетах В. К. Соколова намечает определенные линии развития, но этого далеко не достаточно.

Прямо противоположного метода придерживается Л. Н. Пушкарев в статье о сказках. Содержание сказок в вариантах XIX в. он (опять-таки безговорочно) рассматривает как произведения капиталистической эпохи и видит в них отражение народного мировоззрения этого времени. А между тем большинство анализируемых им сказочных сюжетов сложилось не в XIX и не в XX вв., а много лет и, может быть, столетий раньше. Можно ли полностью игнорировать это обстоятельство? Правильно ли смотреть на волшебные сказки как на произведения XIX в.? В этой, наиболее слабой методологически и наименее убедительной по аргументации статье не делается различий между эпохами крепостничества и капитализма. Народное сознание, по мнению Л. Н. Пушкарева, оставалось неизменным в течение этих эпох.

Казалось бы, редакционная статья должна была остановить свое внимание на этих важнейших вопросах. Однако она этого не делает.

Нельзя не остановиться еще на одной стороне содержания статей, вызывающей большое сомнение.

В сборнике почти не учитывается эстетическая природа анализируемого материала. Встает вопрос: можно ли при изучении содержания народной поэзии и определении народного мировоззрения, отраженного в ней, совершенно игнорировать то, что это содержание выражено в художественно-образной форме? Художественная форма произведений вместе с содержанием составляет взаимно обусловленные стороны искусства. И одно без другого не может быть понято. Редакторы сборника дают такую заявку, которая как будто должна снять вопросы о художественной специфике изучаемого материала. Они признают народную поэзию искусством реалистическим, утверждая, что в ней «даются типические образы и ситуации, раскрывающие социально-историческую сущность изображаемых явлений» (стр. 6). Однако принять эту формулу без уточнений и без дифференцированного подхода к разным видам произведений народного творчества совершенно невозможно. Можно ли художественный метод волшебных сказок, исторических песен, революционных песен, легенд и других произведений, совершенно различных по методу изображения действительности, признать единым для всех реалистическим методом? С этим невозможно согласиться.

Поставленные здесь вопросы особенно осложняются тем, что нельзя найти единого рецепта для анализа всех явлений народной поэзии. В том-то и дело, что в каждом отдельном случае они должны решаться применительно к данному жанру или произведению, к его содержанию, к особенностям его формы и т. д. и т. д. Обходить же все эти вопросы невозможно, когда исследуются самые различные явления.

Сборник открывается статьей В. К. Соколовой о народном творчестве, изображающем крестьянские войны XVII и XVIII вв. Одновременно с этой статьей в «Очерках» Пушкинского дома была напечатана статья Б. Н. Путилова о разинском фольклоре. Оба автора ставят своей задачей заново пересмотреть и более глубоко осмыслить этот фольклор с марксистско-ленинских позиций, привлекая и вновь опубликованные тексты. Достоинством обеих статей является то, что оба автора усматривают в произведениях о крестьянских восстаниях не столько летопись событий, сколько выражение народного понимания и народных оценок изображаемого; значение и жизненность песен о Степане Разине усматриваются не в исторической документальности, а прежде всего в освободительных и протестующих настроениях, выраженных в них.

Работа В. К. Соколовой имеет значительное преимущество перед статьей Б. Н. Путилова. В ней произведения разинской тематики представлены в большой социальной дифференциации. В. К. Соколова выделяет тексты, записанные консервативно настроенными собирателями, указывая на неполноценность этих вариантов. Выделяются в ее работе и произведения ненародные. Работа В. К. Соколовой характеризуется вместе с тем и более последовательным историзмом. Б. Н. Путилов определяет весь фольклор разинской тематики как народное творчество «времени восстания Степана Разина» и только вскользь оговаривается, что «часть разинского фольклора слагалась по воспоминаниям о минувшем восстании». Но он не различает в конкретном анализе произведений, созданных позже. В. К. Соколова совершенно

справедливо усматривает в песнях о Степане Разине произведения, созданные в разное время. Особенно свежей и интересной является ее мысль о том, что две группы песен о Степане Разине соответствуют двум этапам народного движения. К первой группе она относит сюжеты главным образом казацки, в содержании которых в большей мере отразился «разбойный характер восстания», в них на первом месте стоит фигура Разина, а противником героев являются «бусурмане». Вторая группа песен характеризуется разворотом движения на Волге, когда в него включились разные группы угнетенных масс и главным образом крестьянство. Образ Разина в этих песнях отходит на второй план, противник в них получает социальное осмысление, а самое восстание в большей мере понимается как социальное возмездие. Эти песни носят более массовый характер. Мысль о наличии в разинских песнях двух групп, соответствующих двум этапам восстания, является центральной во всем исследовании. Нам представляется, что эта мысль могла бы пролить свет на многие темные стороны в поэзии о Степане Разине и в истории ее дальнейшего развития. Следовало бы, например, указать, что крестьянская группа песен обогащалась новыми сюжетами из так называемых «безмянных», примыкавших к разинскому циклу. Можно предположить, что прогрессивность идейного содержания песен второй группы обеспечила ей особую популярность.

Совершенно верно трактуется В. К. Соколовой песня о «сынке» как более поздняя и вовсе не связанная с конкретным историческим событием, как это утверждалось всеми предшествующими исследованиями. Действительно, не рассказ о казаке-разведчике, казненном в Астрахани, как это описывает Стрюйс, а народный протест, выраженный в образе «сынка», не подчиняющегося властям, лежит в основе идейного пафоса сюжета. Совершенно закономерно чрезвычайное распространение этого сюжета и усиление в нем в процессе бытования элементов протеста.

Значительное количество накопленных разновременных вариантов позволяет, как нам кажется, прийти к выводу, что в процессе развития разинского фольклора наиболее исторические сюжеты с течением времени утрачивались народной памятью, сохранялись же и развивали свое содержание такие, которые отвечали растущим освободительным идеям.

Очень убедительно разбирает В. К. Соколова установившееся мнение об особой революционности песни в записи Трутовского о расправе с астраханским воеводой.

В. К. Соколова правильно считает, что обогащение разинского фольклора произошло не только за счет присоединения безмянных народных песен, но и за счет песен литературных. Давно пора было определить место этих песен, получивших массовое распространение, в разинском цикле. Сам народ не отличает отобранных и освоенных литературных песен от своих старых исторических.

При всех достоинствах статьи В. К. Соколовой нельзя не отметить в ней и некоторых пробелов. Исследовательница не доводит до конца исторический принцип анализа. Она считает, например, возможным характеризовать сознание крестьян XVII в. песенными вариантами XX в., а также советского времени. В настоящее время назрела потребность определить весь разинский фольклорный цикл в его историческом развитии. К сожалению, В. К. Соколова полностью этой задачи не решает.

Совершенно не оправдано в статье игнорирование различий песен о Разине с историческими преданиями о нем. И тот и другой жанр используется исследовательницей на равных правах как источник для познания мировоззрения народа. Жанровая специфика при этом не учитывается, а между тем песни о Разине представлены в исследовании в их идейном и художественном единстве как целостное явление. Такого анализа требовали и предания.

Вторая часть работы В. К. Соколовой характеризуется умением четко социально определить анализируемый материал.

Статья М. Г. Китайника посвящена рассказам рабочих дореформенного Урала. Недостаток фольклорных материалов в этой области автор восполняет тем, что собирает много художественно обработанных произведений и материалов из литературных источников. Все собранное автор рассматривает в единстве, выделяя только различные тематические циклы. Привлечение в фольклорный фонд записей и обработок, сделанных писателями, следует приветствовать. Но при этом нельзя забывать того, что в литературных произведениях подобного рода может присутствовать не только точка зрения уральских рабочих, выразившаяся в оригинале предания, но и взгляд писателя, записавшего или даже обработавшего его. Определение народности содержания тех или других произведений автором делается несколько механически.

Статья К. В. Чистова «Ирина Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода» отличается большой свежестью и оригинальностью. В противовес своим предшественникам², К. В. Чистов рассматривает причитания И. А. Федосовой не как индивидуальное творчество талантливой поэтессы, а как коллективное, отражающее народные взгляды точно датированного исторического периода. Разыскания К. В. Чистова объясняют содержание творчества знаменитой плакальщицы конкретнo-историческими и местными условиями жизни олонечских крестьян в конце 1860 гг. Новые материалы, приведенные автором, смелость его суждений, разрывающих со многими установившимися точками зрения, не могут не расположить к себе.

² М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922; Г. С. Виноградов, Сб. Русские плачи, «Библиотека поэта», Л., 1937.

Однако, при всей ценности и оригинальности этой статьи, в ней есть и весьма спорные, а иногда и противоречивые суждения.

Недостатком методологической основы этой работы является полное отрицание индивидуального начала в плачах Федосовой. Все содержание ее плачей автор рассматривает как отражение народного мировоззрения. Он совершенно обходит вопрос о соотношении традиционных элементов содержания и формы с реалистическими элементами в ее плачах, а между тем традиционными мотивами своего творчества Федосова соприкасалась с творчеством всех других плакальщиц своего времени, которые тоже выражали народные взгляды. В творчестве Федосовой присутствуют такие традиционные представления крестьянства, как взгляд на смерть, на судьбу-долю, систематически олицетворяемые ею и типичные не только для ее плачей. Эти представления органически сочетались со всеми прогрессивными общественными взглядами Федосовой, с реалистическими элементами ее метода и не могут игнорироваться. И мировоззренческая сторона, и художественный метод творчества плакальщицы требовали анализа, более разностороннего и сложного.

К. В. Чистов анализирует творчество знаменитой плакальщицы в наиболее прогрессивной его части, и в этом новизна и ценность этой работы. Социально-политическое содержание ее плачей характеризовалось М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым в самом общем плане. К. В. Чистов выявляет конкретно-историческую обусловленность их содержания. Но это никак не снижает в них типического в более широком значении. Содержание плачей Федосовой типично в отражении в них жизни олонечного крестьянства конца 1860 гг., но оно типично и как отражение жизни и взглядов народа в переходный период, сохраняя отдельные черты дореформенного и частично пореформенного его состояния.

Выявляя в творчестве Федосовой наиболее передовые элементы содержания, К. В. Чистов временами склонен к модернизации ее сознания. Утверждая, с одной стороны, что «Федосова была безусловно религиозна», он одновременно в другом месте говорит, что она «ясно ощущала трагичность крестьянской веры, инстинктивно чувствовала ее противоречивость» (стр. 107). Исследователь даже видит «протест Федосовой против божьей несправедливости» (там же). Тексты плачей не дают права утверждать наличие такой сложности и противоречивости в религиозных воззрениях Федосовой. Эта сторона ее мировоззрения отличается несомненной цельностью. Никак нельзя согласиться с толкованием «Плача об убитом громом-молнией». Автор обнаруживает, будто «Федосова приближается здесь к раскрытию внутренней противоречивости христианства» (там же). Автор видит в словах плача не осуждение убитого крестьянина за то, что он не ходил в церковь, а «гнался за крестьянской работушкой», а осуждение божества, которое за это наказывает. Приведем текст:

Вы не знали, спорядовыи суседушки,
Вы ни светлого христова воскресеньица,
Ни бладычного господня божья праздничка;
Да вы в божию ведь церковь не ходили,
Да вы господу-бладыке не молились,
Все ведь гнались за крестьянской работушкой...

Не осуждение христианского божества, а осуждение корыстолюбия, жадности накопительства прежде всего выражено в этих словах Федосовой, хотя речь и идет здесь, казалось бы, о крестьянском труде. Авторское толкование этой цитаты по меньшей мере произвольно. Еще более произвольно толкование следующей цитаты, приведенной К. В. Чистовым на той же странице.

Религиозность Федосовой, неграмотной крестьянки, не вызывает сомнений. Об этом говорят все тексты ее причитаний. И эти взгляды не содержат в себе никакой противоречивости — они очень целны. Сложность ее сознания заключается в том, что она сохраняла и дохристианские представления, сочетая их с христианскими, и вместе с тем, будучи религиозной, не могла покоряться, не желала мириться с пороками общественного строя.

Слабая сторона мировоззрения Федосовой, сказавшаяся в ее религиозных взглядах, отчасти, несомненно, объяснялась силой традиций, которых она не могла преодолеть. Эти традиции сказывались и в содержании, и в форме причитаний как жанра, восприимчивого и поэтически развитого ею.

Очень спорным является положение автора об отношении Федосовой и всего пореформенного крестьянства к самодержавной власти. И здесь он обнаруживает внутреннюю противоречивость: в похоронных причитаниях он усматривает царские иллюзии, в рекрутских он видит прямое осуждение царя, признание его виновником несчастий рекрута и его семьи. Ошибка исследователя заключается в утверждении, что в определении рекрутской повинности как «злойдеи службы государевой» следует якобы видеть обвинение, адресованное самодержавной власти. Трудно думать, чтобы все это так отчетливо осознавалось Федосовой, как этого хочется автору. Осуждение «грозной службы государевой» связано в представлении воленицы не с виновником царем, а с местными властями и командирами. В своей мысли Федосова не доходила до того логического конца, который усматривает К. В. Чистов.

Очень сомнительны разыскания автора о положительных политических идеалах Федосовой, уводящих якобы в период новгородской вольности. Увлечшись сомнительным предположением В. Барсова, К. В. Чистов отошел от жизненной правды, приписывая неграмотной, хотя и исключительно талантливой, крестьянке олонечко заходящую глубокие исторические познания.

Спорность отдельных положений работы К. В. Чистова объясняется новизной и смелостью постановки вопроса, что само по себе является несомненным достоинством ее.

Работа Л. Н. Пушкарева выпадает из всего цикла статей. Большинство выводов строится автором на анализе случайно выхваченных примеров. Л. Н. Пушкарев пытается рассмотреть волшебную сказку как отражение мировоззрения трудового крестьянства времени крепостничества и капитализма. Эти периоды развития общества он не только не различает, но рассматривает их в некоей «цельности». Анализируя тему труда в волшебных сказках, Л. Н. Пушкарев не задается вопросом о том, одинаков ли был взгляд народа на труд в крепостной деревне и в деревне капиталистической. Работа страдает известным формализмом. Пытаясь доказать, что тема труда органична всей волшебной сказке, автор аргументирует свою мысль не тем, что рассматривает ее как следствие основных идейных устремлений народа, выраженных во всем содержании сказочного цикла, а перечисляет, в каких сказочных зачинах и других компонентах сказки встречаются мотивы труда.

Статья В. И. Чичерова «Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907 гг.)» — одна из лучших статей сборника. В ней анализируется процесс сложения и первоначального развития массового революционного песенного творчества пролетариата. Автор прослеживает зарождение рабочего фольклора эпохи капитализма, формирование его как искусства, жизненно точно правдиво рисующего труд и быт рабочих, но теоретически неспособного еще обобщить политические задачи и цели пролетариата. Автор устанавливает также связи первых начальных песен, отвечающих задачам экономической борьбы, с песнями баррикад пролетарских демонстраций, а также с песнями большевистского подполья. В статье приведен большой материал массового революционного фольклора, который анализируется в связи с развитием рабочего движения в России. Исследователь обнаруживает идейную связь произведений литературных, распространенных в рабочих массах 1890—1907 гг., с произведениями фольклорными, ставшими популярными песнями. В этой очень богатой наблюдениями работе недостает только такого заключения, которое бы суммировало, что же из этого творчества девятых — девяностых годов вошло в сокровищницу русского народного творчества и переросло значение только своего времени и почему. Этот итог потребовал бы от автора некоторого художественного анализа произведений, чего он, к сожалению, совсем не сделал.

Завершается сборник работой В. Ю. Крупянской «Советское народное поэтическое творчество 20-х годов».

Тема статьи В. Ю. Крупянской в значительной мере совпадает с первой главой «Очерков русского народного творчества советской эпохи», написанной А. Н. Лозановой. Обе работы дают много нового в изучении народного творчества эпохи гражданской войны. Особенно ценными в этих работах являются сведения об истории создания и условиях бытования отдельных песенных текстов. Статья В. Ю. Крупянской направлена на выявление передовых революционных и социалистических идей в народном творчестве 1920 г. Автор приводит факты этнографического порядка о восприятии песен различными кругами народа, о распространенности отдельных сюжетов. Включая в научный оборот много сведений по истории и документации текстов, В. Ю. Крупянская восполняет те пробелы, каких слишком много в общей картине фольклора периода гражданской войны.

С нашей точки зрения, в статье В. Ю. Крупянской имеется одна очень спорная установка. Она не касается вопросов художественной формы анализируемых произведений, не включая это в свои задачи, так как работа посвящена только анализу мировоззрения народа, отраженного в содержании народной поэзии. Верно ли это? Вновь формирующееся творчество выразилось в новых формах, использовавших идейные и художественные традиции прошлого.

А. Н. Лозанова в сформировавшемся жанре новых песен подчеркивает такие особенности, как точность в изображении событий, обилие имен и топографических указаний. Иначе говоря, А. Н. Лозанова видит в песнях гражданской войны прежде всего развитие традиций боевой солдатской песни. В. Ю. Крупянская делает упор на другом. Она выделяет традиции революционно-агитационных песен в творчестве гражданской войны, в развитии идей и образов этих песен. И то и другое мнение следует признать односторонним, не дающим полного определения жанрового своеобразия первых советских песен.

Передовые революционные круги народных масс несли в ряды Красной Армии революционное сознание. Идею воспитание осуществлялось различными средствами, в том числе и через массовую песню. Все лучшие песни периода гражданской войны были проводником идей социалистической революции.

Но оформление этих песен весьма неодинаково. И это зависело от того, какая социальная среда создавала новые тексты и на каких традициях эти новые произведения основывались. Рабочие, влившиеся в ряды Красной Армии, внесли в нее новое творчество традиций пролетарских революционных песен, солдаты, пришедшие с фронтов империалистической войны, переосмыслили солдатские песни и создавали новые на их

поэтической основе, крестьянские массы принесли свои традиции, обилие военно-бытовых и семейных тем. Конечно, в живой жизни процесс сложения новых песен не был таким схематичным, он был сложнее и разнообразнее, но социальные истоки отдельных жанров ясно обнаруживаются в первоначальных песнях гражданской войны. Идейное руководство пролетариата видно и в народном творчестве. Оно сказалось в том поэтическом воздействии, которое оказали на формирование нового жанра песен о гражданской войне пролетарские революционные песни.

В. Ю. Крупянская, анализируя песни о гражданской войне в некоем единстве и целостности, не учитывает особого значения социальных истоков, отразившихся в отдельных поэтических элементах этого своеобразного в своем единстве песенного творчества.

Можно упрекнуть исследовательницу также в том, что ею не раскрываются связи литературных песен с фольклорными, не показывается песенное творчество зачинателей нашей массовой советской песни в его общности с творчеством народа, а в этом и состояла как раз новизна этого нового фольклора.

Сборник Института этнографии Академии наук СССР является значительным вкладом в советскую фольклористику. Он не только вводит значительные материалы и новые более верные и глубокие трактовки в научный оборот, но и наводит на многие размышления, заставляет пересмотреть и решать по-новому такие вопросы, как связь литературы с устным народным творчеством, связь народного творчества с конкретными явлениями действительности и многое другое.

Т. М. Акимова

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Искусство в Народной Республике Албании. Албанский комитет культурных связей с заграницей, 1953.

В 1953 г. Албанским комитетом культурных связей с заграницей был издан альбом «Искусство в Народной Республике Албании». Издание преследует цель ознакомить читателей с различными жанрами искусства албанского народа.

Альбом содержит следующие разделы: «Культура и искусство в Албании» (4 стр.) — общий вводный раздел; «Народное искусство» (6 стр.), где рассказывается о народной поэзии, музыке и танцах, о художественных ремеслах, описываются национальные костюмы и образцы национальной архитектуры; «Музыка» (8 стр.) — содержит описание народных музыкальных инструментов, сведения о развитии современной музыкальной культуры, о деятельности профессиональных коллективов и кружков художественной самодеятельности; «Театр» (7 стр.), излагающий историю создания и развития национального театра; «Скульптура и живопись» (14 стр.), рассказывающий о работах художников и скульпторов прошлого и настоящего; и, наконец, «Археология» (12 стр.), где перечислены важнейшие археологические находки на территории Албании, дается общее понятие о смене культур, указываются музеи страны. Каждый из разделов состоит из краткого текста и большого числа фотоиллюстраций. Текст, так же, как и подписи под иллюстрациями, дается на трех языках: албанском, русском, французском.

Издание такого альбома позволяет самым широким кругам читателей в различных странах познакомиться с художественным творчеством богатого талантами албанского народа, искусство которого до сих пор очень мало известно за пределами его страны. Именно в этом заключается основное положительное значение рецензируемой книги.

Албанский народ создает в своей стране основы социализма. Развитие экономики, подъем материального благосостояния трудящихся сопровождаются небывалым в истории Албании размахом культурного строительства; «...угнетенные народные массы, веками прозябавшие в темноте и невежестве, восстали против своих угнетателей и, взяв в свои руки дело всестороннего развития своей страны, вступили на путь прогресса. Запруженная до сих пор жизненная энергия народа вырвалась наружу» (стр. 6). О том внимании, которое проявляют правительство и Албанская партия труда к развитию культуры и искусства, о всесторонней помощи работникам культуры, о строительстве клубов, организации библиотек, читален, музеев, об учебных заведениях и научных учреждениях, театрах, киноискусстве рассказывается в первом, вводном разделе книги.

Народное искусство Албании характеризуется чрезвычайно разнообразием форм. Население каждого района, иногда даже отдельной деревни, имеет свой традиционный костюм. Национальные костюмы албанцев, несомненно, надо причислить к произведениям народного искусства — столько художественного вкуса, изобретательности, мастерства выполнения отражено в них. В настоящее время национальные костюмы сохраняются в сельской местности и частично в городах; в большой степени они заменяются костюмами общераспространенного городского типа. Женские костюмы всех районов страны украшаются разнообразными вышивками, серебряными подвесками, пряжками, ожерельями. Старинное ювелирное искусство в Народной республике возродилось на новых, кооперативных началах. Кроме украшений, современные мастера изготавливают разнообразные декоративные изделия и предметы народного обихода, отличающиеся тонкой работой.